Не секрет, что у многих читателей и особенно читательниц стихи о любви пользуются не преходящим успехом. Девушке, юноше любовные стихи обещают неминуемую встречу с ним, с ней, волнуют предчувствием счастья или сладкого несчастья. Зрелые люди ищут и находят в стихах отзвуки собственных переживаний, сомнений, озарений... Не будет преувеличением сказать, что настоящие стихи о любви расширяют представление о мире, о диапазоне чувств, поднимают над обыденностью, лечат боль, утешают в трудную минуту.

Появление двухтомника «Песнь любви» многие читатели поэзии восприняли как подарок. И дело, конечно, не в подарочном издании, хотя оформление обеих книг изобретательно и нарядно, порой даже избыточно. Дело в том, что составитель антологии, библиотечный работник Светлана Магидсон, собрала невиданный «хор» из нескольких сотен «солистов», старшему из которых тысяча лет, а младшему — только тридцать. И этот хор поет вечную песнь любви.

Удивительно, но слова этой песни никогда не повторяются! Их произносят то громогласно, то шепотом, то с восторгом, то с укором, то мужские, то женские голоса. Все они — о любви. И все они разные.

Безусловно, натура, темперамент, биография автора задают тон его стихам, в том числе и стихам интимным. Ветер века врывается и в любовную лирику. Достоверные подробности времени и быта делают лирические признания документально точными. По стихам о любви можно судить о нравственном климате целой эпохи...

Как же интересно при таком многообразии мыслей, чувств, художественных манер слушать перекличку поэтов разных судеб, разных времен, разных народов! Кто не знает стихотворения Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», посвященного Анне Петровне Керн? Но, должно быть, не всем читателям известна «Баллада о чудном мгновении»

Павла Антокольского — взволнованный рассказ о необыкновенной встрече гроба Анны Петровны с бронзовым памятником Пушкину:

Так в последний раз они повстречались.
Ничего не помня, ни о чем не печалясь.
Так метель крылом своим безрассудным
Осенила их во мгновенье чудном.

И еще одна ниточка тянется от знаменитого пушкинского стиха к поэзии современной. Михаил Дудин выдвинул свою версию посвящения пушкинского шедевра. Не Анне Керн, а крепостной девушке Ольге Калашниковой:

И вдруг спокойно озарение
Само приходит по себе,
Что чудо — «Чудное мгновение» —
Одной написано тебе.

Кому-то, может быть, покажется, что современный поэт посягнул на святыню, что это неоправданное своеволие и тому подобное. Но я думаю, ничего кощунственного в стихах Дудина нет. Лирический образ всегда богаче жизненного прототипа. Пожалуй, его можно сравнить с рекой, что питается отнюдь не из одного ручья, официально объявленного истоком.

Многозначителен тот факт, что грузинский поэт Тициан Табидзе в основу одного из лучших своих стихотворений кладет строки пушкинского восьмистишия «На холмах Грузии...», что латыш Харий Хейслер ведет родословную своей «Незнакомки» от «Незнакомки» Блока, а литовец Юстинас Марцинкявичюс в своей «Березе» как бы переосмысливает" «Березку» Степана Шипачева. Любопытно, что реальная женщина, жена Грибоедова, Нина Чавчавадзе, вдохновила на стихи русского поэта прошлого века Якова Полонского в грузинского поэта двадцатого столетия Георгия Леонидзе. А мой сверстник Фазиль Искандер в «Балладе о блаженном цветении» отталкивается от стихов Алексея Константиновича Толстого «То было раннею весной...».

Да, поэты слышат друг друга через века, без особых усилий преодолевают

географические и языковые границы. А всегда ли слышит их читатель? В чем тайна нетленности лучших стихов о любви? Не могу удержаться, чтобы не привести любимого стихотворения Тютчева:

Я очи знал,— о, эти очи!
Как я любил их,— знает бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.
В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалося горе,
Такая страсти глубина!
Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой.
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Здесь все подлинно, просто и одновременно величественно, понятно и непостижимо.

Не урезая своего чувства, великий поэт умеет потесниться, чтобы как можно глубже постичь любимую. Вот этого умения потесниться не хватает многим приятным, но недолговечным стихам о любви, пусть даже попавшим в двухтомник. Слишком занятый собственными переживаниями, эгоистичный автор вытесняет из лирики предмет своей любви, а вместе с ним и само чувство. Увы, нечто похожее случается и в жизни.

Не надеясь раскрыть секрет очарования стихов Хайяма и Нарекаци, Лермонтова и Блока, Маяковского и Пастернака, скажу только, что каждую их строку диктует чувство, а не суррогат его, что их поэзия обращает сугубо личное чувство лицом к «векам, истории и мирозданию».

На полутора тысячах страниц антологии находишь и стихи-назидания, стихи-предупреждения, стихи игривые, лукавые, шуточные. Многие из них афористичны

и сами собой запоминаются. Вот, например, миниатюра Александра Гитовича:

Любящим
Хотел бы пожелать я —
В радости,
В разлуке или горе,—
Вечно помнить
Первое объятье,
Забывая
О последней ссоре.

А вот четыре строки Алексея Маркова:

Сегодня в нашей дочери
Увидел я воочию
Твои неброские черты
И понял, как прекрасна ты.

Заметное место в двухтомнике занимают песни. Недавно в «Литературной газете» прошла «песенная» дискуссия. Некоторые ее участники усомнились: так ли уж важны в песне слова, не является ли удачный мотив лучшим проводником даже для маловыразительного текста?

Тем, кто слишком полагается на спасительную роль мелодии, я посоветовала бы перечитать «Среди долины ровные...» Мерз-лякова, «Тройку» Глинки, «Рябину» Сурикова. Нет спору, читая слова этих популярных старых песен, мысленно «подклады-ваешь» под них мотив, поешь их про себя. Но ведь и стихи хороши! Каждая песня — целая драматическая история, яркий характер, всплеск чувства. Не приходится сомневаться в том, что тексты пустеньких песенок-однодневок, как бы прилипчивы они ни были, никогда не попадут ни в одну поэтическую антологию XXI века.

Нет возможности обозреть все содержание двух томов. Для меня было сюрпризом, что я оказалась одним из многочисленных авторов «Песни любви». Но прежде всего я ее читатель. Не могу не сказать спасибо составителю С. Магидсон и поэту-редактору Л.

Озерову за их огромный труд. Не считаю нужным навязывать им свои вкусы, утомительно перечислять имена, незаслуженно включенные или незаслуженно не включенные в оба тома.

Здесь есть из чего выбрать, есть кому отдать предпочтение! И если лирика ушедших поэтов утоляет тоску по возвышенному, то стихи современников влекут близостью к твоей собственной жизни, радостью узнавания чего-то до мелочей знакомого.

Вроде запоя, что ли...
Тайну ловлю твою.
Снова окно зашторю,
Ампулы растворю.
И из кюветки черной
Встанут,
Сводя с ума.
Брови вослед за челкой,
Дальше
и ты сама.

Так пишет о любимой женщине Владимир Корнилов. А Кайсын Кулиев (перевод Н. Гребнева) объясняется в любви... всем женщинам сразу, и вам, и мне:

О женщины, которых я не знаю,
Вам эти строки скромные дарю,
Цветы земли, ее вода живая,
Я вас благодарю, боготворю!..
Вы не были со мной добры иль черствы,
Но пусть не с вами я встречал зарю, —
За все, что мне дарили ваши сестры,
Я, женщины, всех вас благодарю!

Остается поблагодарить всю поэзию за воспевание прекраснейшего из чувств.

Тамара Жирмунская,

"Работница", 1974 г.